

— Нет! — Е Цзинчу, услышав это, тут же вытянул шею и упрямо возразил. — Это ты плакал! — повторил он.

Му Цзинь, глядя на его упрямство, не сдержал улыбки. Уголки его губ слегка приподнялись, и он с иронией произнёс:

— Ого, ещё и не признаётся, плакса.

Услышав это прозвище, Е Цзинчу застыл с выражением полного неверия на лице. Он вытаращил глаза и, глядя на Му Цзиня, возмущённо воскликнул:

— Что ты сказал? Как ты посмел назвать меня плаксой!

Му Цзинь остался невозмутим. Он по-прежнему спокойно смотрел на Е Цзинчу и отчётливо повторил:

— Я сказал, что ты плакса, — в его голосе проскользнула нотка вызова.

Е Цзинчу от этих слов мгновенно вспыхнул. Но тут же, словно что-то вспомнив, поспешно оправдался:

— Я... я просто испугался за тебя! — к концу фразы его голос невольно стих, утратив уверенность.

Видя его замешательство, Му Цзинь, прекрасно знавший характер Е Цзинчу, решил, что хватит дразнить его, иначе тот разозлится не на шутку. Он тихо вздохнул и мягко сказал:

— Ладно, я знаю, что ты беспокоишься обо мне. Не горячись так, я в порядке. Тебе стало легче?

Только услышав это, Е Цзинчу понял, что Му Цзинь намеренно пытался его приободрить, и поспешно закивал. Сменив тон на серьёзный, он спросил:

— Тот человек... он отомстил тебе?

— М-м, — при упоминании об этом лица обоих помрачнели, и в палате воцарилась гнетущая тишина.

— И что ты собираешься делать? — Е Цзинчу не сводил с него глаз. Он прекрасно понимал, что никогда не простит того ублюдка, который посмел поднять руку на Му Цзиня, но всё же хотел уважать решение самого Му Цзиня. Даже если бы тот решил оставить всё как есть, сам Е Цзинчу не собирался отступать. В своё время он в одиночку поднял на ноги огромную корпорацию, используя решительные и порой жестокие методы, чтобы спасти бизнес семьи Е от краха и вывести его на новый уровень.

— Я же уже сказал: подам в суд, — ответил Му Цзинь ровным голосом.

— Это слишком мягкое наказание, — пробормотал Е Цзинчу.

— М? Что ты сказал? — Му Цзинь слегка нахмурился и вопросительно посмотрел на него.

— Ничего, — поспешно отмахнулся Е Цзинчу, пытаясь скрыть свои истинные мысли. Помолчав немного, он вдруг спросил: — Что хочешь поесть?

— Всё что угодно, я не привередлив, — Му Цзинь немного помолчал, затем поднял взгляд: — Ты же глава корпорации Е, неужели ты уже разобрался со всеми бумагами, что лежат у тебя на столе?

— Нет, но это не важнее тебя, — Е Цзинчу облизнул пересохшие губы.

Му Цзинь опешил. Он широко открыл глаза, глядя на него с полным недоверием. Сердце пропустило удар, в горле перехватило, кадык невольно дёрнулся. Он промолчал. Раньше Е Цзинчу никогда так не говорил. После их воссоединения он действительно заметил перемены: Е Цзинчу учился любить, перестал пропадать на попойках. Сердце Му Цзиня дрогнуло, но он всё ещё боялся, что это лишь маска.

Е Цзинчу, волнуясь, протянул руку и осторожно коснулся повязки на животе Му Цзиня:

— Как ты сейчас? Рана болит?

— Не болит, обезболивающее действует.

— Но когда оно перестанет действовать, будет больно, — недовольно заметил Е Цзинчу.

В этот момент раздался стук в дверь, и вошёл помощник Ло с едой из ресторана Цзуйюэ. Палату сразу наполнил аромат блюд. Е Цзинчу помог Му Цзиню приподняться и устроиться на подушках, затем забрал пакет у Ло Юя, открыл контейнеры и пояснил:

— Ты только что получил ранение, острое нельзя, поешь чего-нибудь лёгкого.

— Угу.

Е Цзинчу собрался кормить его с ложечки. Му Цзинь помрачнел:

— ...Я могу поесть сам.

— Нет, ты ранен, — отрезал Е Цзинчу.

— У меня ранен живот, а не руки, — беспомощно возразил Му Цзинь.

— Всё равно, я буду тебя кормить, — настаивал Е Цзинчу.

Му Цзинь, зная, что спорить бесполезно, смирился. Он принимал пищу из рук Е Цзинчу, глядя на него со сложным выражением лица. Покончив с едой, Е Цзинчу заботливо вытер ему уголки рта.

Му Цзинь тихо спросил:

— Почему ты вдруг стал так добр ко мне? Мы долго были в разлуке, и ты в прошлом...

Е Цзинчу взял его за руку и, глядя прямо в глаза, ответил:

— Раньше я был неправ. Потеряв тебя, я понял, как ты мне дорог. Теперь я хочу лишь заботиться о тебе и наверстать упущенное.

На душе у Му Цзиня стало беспокойно. Он хотел что-то ответить, но телефон Е Цзинчу некстати зазвонил. Взглянув на экран, тот нахмурился:

— В компании срочное дело, мне нужно отлучиться, я скоро вернусь, — с виноватым видом сказал Е Цзинчу.

Му Цзинь кивнул. Провожая взглядом поспешно уходящего Е Цзинчу, он задавался вопросом: выдержат ли эти чувства испытание реальностью?

Не успел Е Цзинчу скрыться за дверью, как послышался тихий шорох, и дверь, которая была плотно закрыта, медленно приоткрылась. Вошла высокая фигура. Му Фэн, чьё лицо поразительно напоминало лицо Му Цзиня, смотрел на брата с нескрываемой болью. Его взгляд был прикован к Му Цзиню, словно он пытался заглянуть в самую глубину его души, чтобы увидеть там всю скрытую боль и обиду.

— Сяо Цзинь, тебе всё ещё больно? — спросил он, имея в виду не только рану.

Му Цзинь, лежавший на кровати, слегка приподнял веки и равнодушно взглянул на вошедшего Му Фэна. Его холодный голос теперь звучал чуть теплее:

— Уже не так сильно. Ты закончил дела?

Му Фэн подошёл к кровати, сел рядом и ответил:

— Да, дела наконец-то закончены, поэтому я сразу пришёл проведать тебя.

Помолчав, он добавил:

— Сяо Цзинь, пока его не было, я скажу. Я не хочу видеть тебя таким, каким ты был пять лет назад. Не верь больше его сладким речам, чтобы снова не пострадать.

Лицо Му Цзиня помрачнело, он сжал зубы:

— Я знаю. Я уже не тот наивный глупец, что был раньше.

— Но когда он был у операционной, он был действительно напуган, — Му Фэн посмотрел на брата со смешанными чувствами.

Му Цзинь закусил губу:

— Я знаю, что он беспокоится обо мне.

Му Фэн наклонился к нему и недовольно произнёс:

— Но вспомни, как он поступал с тобой раньше? И твои шрамы... ты молчишь, но это не значит, что я ничего не знаю.

Му Цзинь опустил голову и замолчал, в палате слышалось лишь его ровное дыхание. Спустя долгое время он поднял взгляд и тихо произнёс:

— Он меняется.

Му Фэн насмешливо хмыкнул, скривив губы:

— Ха! Люди не меняются так просто. Горбатого могила исправит. А вдруг он просто болтает?

В этот момент дверь палаты распахнулась, и вошёл Е Цзинчу, в глазах которого читалась тревога.

— Брат... ты закончил? — голос Е Цзинчу слегка дрожал; чувствовалось, что он испытывает перед братом Му Цзиня и благоговение, и беспокойство. Он услышал разговор братьев, ещё не дойдя до двери, и, чем дольше слушал, тем больше нервничал, поэтому просто вошёл без стука.

Му Фэн медленно поднялся и, не мигая, уставился на Е Цзинчу. Его глубокий, холодный взгляд заставил Е Цзинчу вздрогнуть. Он лишь коротко бросил:

— М-м.

Но в этом простом звуке чувствовалась огромная тяжесть. Е Цзинчу невольно сжал кулаки так, что на руках вздулись вены. Он глубоко вздохнул, встретился взглядом с Му Фэном и, чеканя каждое слово, твёрдо произнёс:

— Я больше не позволю никому причинить ему боль. Включая меня самого!